

Красавца запер Иэрдань. Он не давал ему ни еды, ни одежды, оставив в том же рваном платье, в котором застал в постели, и, заперев в комнате, осыпал его бранью и унижениями.

Не вмешайся Улэйжо — Иэрдань наверняка прикончил бы Красавца. К брату он тоже не испытывал ни малейшей почтительности, сквернословил и снова кидался в драку. Со двора доносились его крики:

— Как на свете может существовать такая бесстыдная тварь!

— Яньчжи, у тебя и стыда-то нет! Ты и твой проклятый брат — одного поля ягоды, оба распутники и негодяи!

Он пил и не умолкал:

— Как я, Иэрдань, мог полюбить такое существо! Я всё расскажу Чжао Цзюэ, пусть увидит, насколько ты грязен!

— Пусть твой бесстыжий брат-император узрит, как ты предаёшься мне, а потом ещё и соблазняешь моего брата!

— Все в ханьской императорской семье такие же бесстыжие, как ты! Чжао Цзюэ — первый, ты — второй! Даже скот в степи имеет больше совести, чем вы!

— Ты ещё и мечтаешь, предаваясь мне, одновременно ублажаться с Чжао Цзюэ? А теперь полез в постель к моему брату! Да насколько же ты похотлив, всех мужчин подряд переспать хочешь!

— Раз уж ты так любишь спать с кем попало, я продам тебя в Терем весеннего ветра! Пусть Чжао Цзюэ потом выкупает!

— Ну как, Яньчжи? Или, может, увезу тебя в Хулунь, прикую к конюшне, и каждую ночь к тебе будет очередь выстраиваться! Пусть твой бесстыжий братец увидит, скольких мужчин в степи ты перепробовал!

— Твой никчёмный брат лишь отдал тебя мне, а я отдам тебя другим! Племян в степи — не счесть! Может, обойдёшь все, поможешь брату объединить Поднебесную! У него в управлении шатко, может, переспишь для него со всеми старикашками-чиновниками? Уж точно дело пойдёт быстрее! Он тебя тогда наградит, непременно, «Великой госпожой, умиротворяющей страну»!

Улэйжо тоже было несладко. Только что отгремевшая драка не прибавила ему достоинства.

— Иэрдань, хватит! — рявкнул он.

Иэрдань, с глазами, покрасневшими от слёз и хмеля, швырнул бурдюк:

— Заткнись! Самый бесстыжий здесь — ты, Улэйжо! Я считал тебя родным братом! А ты? Яньчжи тебе отказал, а ты, воспользовавшись моим отсутствием, с ним переспал! Да как на свете могут существовать такие бесстыдные развратники!

Улэйжо побелел.

— В этом я виноват. Если не можешь смириться — разведись с Яньчжи. Я заберу его с собой.

— С чего бы это?! — взревел Иэрдань, и слёзы хлынули у него из глаз.

Он рыдал, как ребёнок, сокрушаясь от горя. Жена — бесстыжая, брат — бесстыжий, Чжао Цзюэ — тоже бесстыжий... А всех бесстыжее — его собственная жена! Будучи помолвленной с ним, она уговаривала его принять ухаживания Чжао Цзюэ, а теперь вот полезла в постель к брату! Его тошнило от отвращения, и он жаждал её смерти.

Красавец всё это время — с ночи до утра — прятался на кровати, дрожа от страха и плача. Он ничего не боялся так сильно, как того, что Иэрдань расскажет обо всём его брату. Тогда ему останется лишь сгореть от стыда и покончить с собой. Он ужасно боялся, чтобы брат не узнал о его распутстве. В глазах брата он хотел оставаться чистым.

Иэрдань не смог сдержать ярость. Зная, чего Красавец боится больше всего, он в тот же день велел написать длинное, на несколько страниц, письмо, где подробно живописал его развратность, доступность и привычку переходить из одной постели в другую, и немедленно отослал его в Ханьский дворец.

Ханьский император, неизвестно что задумав, не отвечал.

Иэрдань, торжествуя, сообщил Красавцу, что уже известил Чжао Цзюэ о всех его мерзостях, и теперь посмотрим, как тот будет жить дальше, глядя в лицо брату. От этих слов Красавец лишился чувств.

Улэйжо просил Иэрданя выпустить Красавца, но тот и слушать не хотел. Обезумев от гнева, он заявил, что запрет его навсегда. Так он накажет свою распутную жену.

К следующему вечеру Улэйжо вынес Красавца на руках. Иэрдань снова получил от брата взбучку и теперь, в синяках и ссадинах, сидел во дворе, уныло пьянствуя и всхлипывая.

Улэйжо обтёр его, передел в чистое. Придя в себя, Красавец всё ещё дрожал и плакал. Сквозь боль он спросил:

— У-у-у... Брат... он знает?

Улэйжо промолчал — и этим всё подтвердил. Красавец зарыдал. Как он теперь посмотрит в глаза Ханьскому императору? Если тот узнает, что он переспал с обоими сыновьями Ивэйсе... что он подумает? Брат только-только начал поправляться, а такое письмо... не убьёт ли его эта весть?

Император Хань хранил молчание. Иэрдань отправил ещё одно письмо, настойчивее прежнего, указывая на свой статус шурина Чжао Цзюэ и требуя, чтобы тот восстановил справедливость и как следует обуздал своего развратного брата.

Молчание императора затянулось на пять дней. За это время Красавец понемногу пришёл в себя. Он привёл себя в порядок, надел светло-сиреневое шёлковое платье, скромное и простое. Волосы были убраны без затей, без единой нефритовой шпильки, чёрные пряди мягко ниспадали на спину. Лицо — бледное, чистое, словно белый лотос, только что поднявшийся из воды.

Красавец смиренно пришёл к Иэрданю с повинной. Его муж уже выдохся от гнева, последние дни не ездил в город, торчал во дворе, даже пить перестал — только и делал, что ходил с кнутом, словно специально караулил его. Улэйжо тоже не покидал усадьбы. После случившегося ему было стыдно, но отступить он не собирался. Раз уж император Хань всё

узнал, можно всё обсудить открыто. Он надеялся, что император отдаст Красавца ему.

Красавец мелкими шажками подошёл к Иэрданю, не глядя на Улэйжо, опустился перед ним на колени, обхватил его ноги и, припав щекой к колену, тонким, слабым голосом проговорил:

— Муженёк...

Иэрдань не понимал, что за спектакль тот затеял. У Красавца были белые, словно нефрит, плечи, а теперь, когда он склонился, из-под распахнутого ворота обнажился тонкий, пропитанный ароматом жасмина, участок кожи. Он продолжал мягко:

— Муженёк, я виновата.

Иэрдань изумился — не ожидал, что тот сам придёт извиняться. Красавец взял его грубую, зажавшую кнут, руку, поднял заплаканное лицо и взмолился:

— Муженёк, не бей меня. Жун'эр виновата.

Воротник был расстёгнут глубоко, и в просвете мелькала белая ложбинка между грудями. Иэрдань, сидя на каменной скамье, смотрел сверху вниз — и весь этот вид был как на ладони. Красавец прижал его ладонь к своей груди, к самому сердцу, и жалобно сказал:

— Жун'эр в последние дни совсем отупела. Муженёк несколько дней не возвращался, и я... я приняла брата за тебя. Я так по тебе скучала... и натворила глупостей.

Иэрдань слушал эти дырявые, как решето, оправдания, и в нём боролись гнев и беспомощность. Красавец продолжал каяться:

— Больше Жун'эр не будет такой глупой. Муженёк, прости меня, не сердись больше.

Свести свою измену к простой «глупости» и так легко отмахнуться от неё... Иэрданю такое даже в голову не приходило. Улэйжо тоже наблюдал эту сцену с открытым ртом. Как может Яньчжи быть настолько бесстыжим? Доведя дело до такого, он всё ещё не оставляет в покое его брата! Красавец же, не глядя на Улэйжо, обхватил вставшего Иэрданя и продолжал умолять:

— Муженёк, прости Жун'эр.

Иэрдань посмотрел на брата, потом на жену, и, не зная, что сказать, процедил сквозь злость:

— А если повторится?

Красавец, стоя на коленях, обхватил его ноги и замотал головой:

— Не повторится! Никогда не повторится! Жун'эр одумалась! Муженёк, поверь мне!

Гнев Иэрданя поутих наполовину. Он уже было собрался помочь ей подняться, но вдруг вспомнил кое-что и холодно сказал:

— Тогда немедленно собирайся — и со мной в Хулунь!

Красавец испуганно замотал головой, рыдая и умоляя:

— Муженёк, нет... Позволь мне сначала повидаться с братом. Увижу — и сразу поеду с тобой.

Непутёвая натура не изменилась. Иэрдань снова готов был взлететь на небеса от ярости. Выходит, все эти уловки — лишь чтобы повидать брата, боясь, что её силой увезут сразу? Красавец выбирал путь помягче: просить Улэйжо было бесполезно, тот упрям, как бык, и с ним даже переписку с императором не наладишь. Иэрдань хоть и вспылчив, но в конечном счёте сговорчивее.

Иэрдань был разочарован до глубины души. Красавец же, обвив его ноги всем телом, продолжал лепетать сладкие речи:

— Муженёк, сжался над Жун'эр.

Иэрдань смотрел на свою жену, чья красота могла покорить целые страны, — и снова капитулировал. Он подхватил Красавца на руки, отнёс в комнату и, хмурясь, буркнул:

— Увидишься — и сразу в путь!

Красавец, обрадовавшись, поцеловал его в ухо и капризно протянул:

— Хорошо.

Улэйжо всё это время оставался совершенно не у дел, словно его одурачили. Эта парочка поссорилась и мирилась, а он оказался лишним. Прежде чем те скрылись в комнате, он злобно крикнул:

— Уцина!

Иэрдань, не выпуская жены из рук, обернулся. Взгляд его был холоден, как лёд.

<http://bllate.org/book/16253/1462289>